
В. Х. БЕЛЕНЬКИЙ

ОППОЗИЦИОННОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Широко распространено мнение, что едва ли не родовой чертой интеллигенции является ее оппозиционность относительно власти. Это мнение проводится в капитальном труде крупного современного историка Б. Н. Миронова, который, руководствуясь принципом междисциплинарности, нередко прибегает к историко-социологическому анализу. Он подчеркивает, придавая своим словам конвенциональный оттенок: «Понятие *образованное общество* будет использоваться для обозначения той части общества – писателей, журналистов, людей интеллигентного труда, общественных деятелей, “читающей публики”, которая интересовалась общественной жизнью, имела свое мнение и тем или иным способом его выражала... *Интеллигенцией* будет называться та часть образованного общества, которая находилась в той или иной степени в оппозиции к режиму. *Общество* будет означать все население, принадлежащее к данному государству, а *народ* – непривилегированные разряды населения – крестьян, мещан, ремесленников, рабочих...»¹.

Насколько соответствуют эти представления российской действительности второй половины XIX – начала XX вв.? По переписи 1897 г. интеллигенция в России составляла 2,7 % занятого населения, но специалисты, которые трудились в сферах материального производства и культуры, – 1,3 %². Однако Б. Н. Миронов, зачисляя в образованное общество людей, характеризующихся разными признаками, относит к интеллигенции лишь тех, кто находился в оппозиции к режиму, и тем самым еще больше сокращает ее чис-

---

¹ Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. – 3-е изд. – СПб., 2003. – Т. 2. – С. 110.

² Ерман, Л. К. Интеллигенция // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. – М., 1965. – Т. 6. – С. 115.

ленность, так как далеко не каждый интеллигент был оппозиционером. Если руководствоваться посылками Миронова, то два инженера, занятые «интеллигентным трудом», но по-разному относящиеся к политическому строю, принадлежат к различным социальным группам. Невозможно согласиться и с тем, что интеллигенция не входит в народ.

Рассматриваемое представление об интеллигенции не позволяет теоретически интегрировать интеллигенцию в систему общественных отношений. Например, это представление нельзя распространить на современное российское общество хотя бы потому, что множество людей, имеющих высшее образование, не относятся к интеллигенции, ибо являются рабочими, продавцами, лавочниками, сторожами, проститутками, бомжами и т. д. (Оставляю в стороне вопрос о том, относятся ли к интеллигенции чиновники, бизнесмены, многие лица свободных профессий и др.³) Интеллигенция оказывается чем-то трансцендентным для статистики. Можно сосчитать, сколько в стране педагогов, медиков, инженеров и т. д., но никакая статистика не в состоянии выяснить, какой учитель относится к интеллигенции, поскольку он оппозиционер, а какой не относится, поскольку он лоялен.

Эти рассуждения могут вызвать следующее возражение: историк Б. Н. Миронов дает определение интеллигенции исходя из условий конца XIX в., а социолог, критикующий историка, рассуждает исходя из современных реалий. Несомненно, что содержание категории не остается неизменным, но при всех изменениях она сохраняет саму себя, в противном случае вместо старой категории возникает новая.

Нельзя не обратить внимание и на следующее обстоятельство. Образованное общество и интеллигенция – понятия с разным «историческим запахом». Дело не в том, когда и где появились эти термины, какое значение им придавалось в разные периоды российской истории. Дело в том, что образованное общество – аналог другого понятия: *светское общество*, которое восходит к дворянскому, феодальному миру, тогда как интеллигенция, интеллектуалы, профессионалы – знаки капиталистической эпохи. Мож-

---

³ Б. Н. Миронов различает чиновничество и интеллигенцию (см.: Миронов, Б. Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 319).

но допустить, что российские университеты во второй половине XIX в. удовлетворяли и потребность дворянства в образовании, и потребность страны в социальном слое, профессионально занятом развитием культуры и ее внедрением в общественную жизнь. Однако совершенно неверно смешивать эти потребности и результаты их удовлетворения⁴. Отсюда следует, между прочим, что часто встречающееся понятие «дворянская интеллигенция» просто бессодержательно.

Важно обратить внимание на следующий парадокс: то, что мы в России называем интеллигенцией, возникло на Западе раньше российской интеллигенции, но последняя идентифицировалась раньше, чем это произошло в более развитых странах. Причина данного явления в том, что интеллигенция в России возникла в период (во второй половине XIX в.), когда страна шла к буржуазно-демократической революции. В этих эксклюзивных условиях часть нового социального слоя, разночинной интеллигенции, сочла долгом и обязанностью отдать свою жизнь – в переносном, а то и в прямом смысле этого выражения – за освобождение народа. Мы сталкиваемся здесь со старой проблемой соотношения гражданского и профессионального в человеческом бытии. Сказано: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Прекрасные слова, однако абсолютизировать их – ошибка. Потому что идеальным, точнее, нормальным является такое состояние социума, при котором гражданские и профессиональные аспекты жизнедеятельности интеллигенции неразрывно и гармонично взаимосвязаны. По своей природе интеллигенция не оппозиционна, а созидательна, как созидательны рабочий класс и крестьянство, но более всесторонне, на ином уровне, в других формах.

Разумеется, в силу своей подготовленности интеллигенция часто реагирует на противоречия общественной жизни эмоциональнее,

---

⁴ В некоторых случаях приводимые Б. Н. Мироновым факты в той или иной степени расходятся с его определением интеллигенции. Так, описывая результаты анкетного опроса учащихся городских гимназий, где доминировали дети интеллигенции (начало XX в.), он сообщает: «Среди мотивов выбора профессии гимназисты на первое место поставили интерес к делу (50 % опрошенных), на второе место – альтруистические соображения (15 %), на третье место – материальный расчет (7 %, в том числе менее 1 % стремились стать богатыми), на четвертое – честолюбие (2 % опрошенных)» (см.: Миронов, Б. Н. Указ соч. – Т. 2. – С. 324–325). А где же пресловутая оппозиционность или хотя бы ее беготня?

быстрее, энергичнее, чем широкие массы народа. Но реакции «простонародья» имеют свои преимущества. Нередко именно со стихийных массовых выступлений начинались события, имеющие эпохальное значение. Так обстояло дело с Февральской революцией 1917 г. Однако главное в другом. Оппозиционность широких масс труднее вызвать, «раскачать», но ее труднее и заглушить. Она основательней, устойчивей («инерционней»), без нее все усилия интеллигенции легко выхолащиваются⁵. Таким образом, если сравнивать оппозиционность интеллигенции и широких масс, то оказывается, что и та и другая имеют как сильные, так и слабые стороны. Следовательно, необходимо их единство, способное укреплять силы прогресса и оптимизировать их воздействие на существующие обстоятельства и институты.

Тот факт, что оппозиционность не является «прирожденным» или имманентным свойством интеллигенции, не означает, что проблема ее оппозиционности малозначительна. Это не так. Интеллигенция – наиболее продвинутая часть населения. Развитый интеллект, глубокие знания, более высокая культура позволяют ей лучше понимать происходящее, яснее видеть противоречия, отчетливее ставить задачи общественного развития. Поэтому многие представители интеллигенции психологически распахнуты к оппозиционности, способны становиться инициаторами оппозиционных настроений и движений, разрабатывать программы последних, активно вести практически-политическую работу. Чаще всего именно в рядах интеллигенции берут начало различные оппозиционные взгляды, течения, установки. В то же время эта среда не всегда последовательна, устойчива, дисциплинирована. Все это в конечном счете связано с социально-экономическим положением интеллигенции. Она не имеет собственности, не является классом и вполне самостоятельной социально-политической силой. Ей обязательно нужно к кому-нибудь «прислоняться».

Сама интеллигенция и ее положение противоречивы. В условиях капитализма она представляет собой относительно целостный,

---

⁵ Отвечая тем, кто утратил веру в потенциал рабочего класса, Б. Ю. Кагарлицкий подчеркивает: без участия рабочего движения успешная борьба против капитализма не только немислима, но и бессмысленна (см.: Кагарлицкий, Б. Ю. Восстание среднего класса. – М., 2003. – С. 317).

но глубоко дифференцированный социальный слой. Части этого целого в дореволюционной России носили классовый характер, и не случайно выделяли интеллигенцию буржуазную, рабочую и крестьянскую. То есть части тяготели к различным классам, а в целом интеллигенция была между классами – *прослойка*. Это слово вызывает негативные эмоции у многих интеллигентов, оно не очень-то удачно, но вряд ли заменимо. Не случайно его использовал не только В. И. Ленин, но и А. Грамши. В советское время, когда интеллигенция стала значительно более гомогенной, термин потускнел, употреблялся реже и, главное, бездумнее. Но сейчас ситуация изменилась, и процесс дифференциации интеллигенции происходит все интенсивнее. Причем он переплетается со многими другими процессами. Интеллектуальная элита (так называемый политический класс, церковная верхушка, верхушка шоу-бизнеса, артистического и спортивного мира и т. д.) живляется непосредственно в высший класс. Эти люди происходят из интеллигенции, связаны с ней, но все больше принадлежат к совсем другой социальной среде, выполняют специфические социальные функции. Что же касается основного массива интеллигенции, то в социально-экономическом отношении он подразделяется на три не очень четко очерченные части: сближающиеся с буржуазией, близкие к трудящимся классам и неориентированные.

Эти соображения важно учитывать, потому что оппозиционность интеллигенции – величина сугубо переменная. Например, если взять три русские революции в начале XX в., то нетрудно установить, что участие интеллигенции в каждой из них в количественном (число участников) и социальном (охват различных групп интеллигентов) отношениях было обратно пропорционально нарастающему участию рабочих и крестьян. В настоящее время оппозиционность интеллигенции по отношению к власти как никогда плюралистична. Она выступает в самых разнообразных формах: оппозиционность правая и левая, религиозная и светская, западническая и националистическая, монархическая, фашистская, сциентистская и т. д. и т. п. Очевидно, что это ослабляет интеллигенцию, мешает ее профессиональному и гражданскому развитию, порождает множество иллюзий и отнюдь не способствует прогрессу общества.

Преодолима ли эта ситуация? Пока обществу присущи глубокие противоречия, изжить ее полностью невозможно. Следовательно, отношение интеллигенции к тому, что происходит в России, неоднозначно. Власть стремится привлечь на свою сторону как можно большую часть интеллигенции, сократить ее оппозиционное крыло, воздействовать на ее нейтральные, пассивные элементы, с тем чтобы повести их за собой. Противостоящие власти политические силы преследуют альтернативные цели. В то же время интеллигенция, будучи расколотой, остается все же относительно единым социальным слоем и является как объектом, так и субъектом социально-политической борьбы.

В таких условиях может быть востребована способность интеллигенции и к конструктивной трудовой (= позитивной), и к оппозиционной (= негативистской) деятельности. Вопрос о соотношении той и другой решается в зависимости от объективных обстоятельств и от состояния борьбы между силами, являющимися носителями указанных тенденций. Представителям различных отрядов интеллигенции, выделяемых по их ориентациям (лояльные – оппозиционные – промежуточные), присущи особые характеристики и черты⁶. Но нельзя ли вычленить такие *общие качества интеллигенции*, которые должны быть присущи ей и могут быть полезны для нее с точки зрения обеих альтернативных позиций?

Полагаю, что это возможно⁷. Но прежде чем говорить о таких качествах, необходимо решить вопрос об их носителях. Они уже назывались: интеллигенция, интеллектуалы, профессионалы. Но при этом речь шла в основном об интеллигенции. Это естественно: именно это понятие является традиционным для России. Но его необходимо соотнести с двумя другими. Социологов, занимающихся таким соотношением, можно подразделить на два «разряда»:

– одни утверждают, что в современных условиях даже мало-мальски развитое общество не может обойтись без *социального*

---

⁶ Эти отряды выделены мной умозрительно. Они не являются объектом социологического анализа, который преимущественно направлен на выявление и утверждение, с одной стороны, процессов вырождения и исчезновения интеллигенции, а с другой – ее уникальности по сравнению с интеллектуалами и профессионалами, патриотизма, религиозности, верноподданничества и т. п.

⁷ Истоки такой возможности обусловлены тем, что противоположные тенденции в жизнедеятельности интеллигенции при всей своей альтернативности неизбежно совместимы – в той или иной степени, форме и т. п.

слоя людей профессионального умственного труда высокой квалификации, требующего специального образования и выполняющего особенно сложные общественные функции. Данная страта как один из элементов социальной структуры общества выделяется на основе только объективных критериев. Это не означает, что она лишена субъективных признаков или что последние не имеют особого значения. Такие ее качества, как профессионализм, нравственность, эрудиция, развитый вкус и т. д., исключительно важны, и их исследование имеет огромное значение. Однако определять через них анализируемый социальный слой – значит впасть в чистейший субъективизм, создавать предпосылки для произвольных суждений о ней наподобие того, что в России интеллигенции не стало, потому что она не умирает за высокие идеалы, а выживает. Разные названия этого слоя (интеллигенция, интеллектуалы, профессионалы) отражают особенности форм одного и того же социального явления;

– другие конструируют некие образцы, идеальные типы и ищут их аналоги в действительности. Такая позиция напоминает этноцентризм. Среди российской гуманитарной интеллигенции с присутствием многим ее представителям нарциссизмом широко распространено ошибочное мнение о несовместимости и противоположности российской интеллигенции, с одной стороны, и западных интеллектуалов и профессионалов – с другой. Часто встречаются гневные филиппики против интеллектуалов и профессионалов, число которых множится в российском обществе параллельно с интеллигенцией. Мы сталкиваемся с социальной иллюзией: задачи сегодняшнего дня хотят решить силами интеллигенции дореволюционной или советской формации.

Хотя соотношение и смена трех указанных форм исследованы недостаточно, считаю возможным предположить, что история, не исключая их сосуществования, расставила их в следующем идентификационном порядке: интеллигенция – интеллектуалы – профессионалы. Причем они имели и имеют свою географию (зоны преимущественного распространения) и арифметику (масштабы распространения). Естественно, что этим характеристикам присущ национальный или цивилизационный аспект.

На Западе в последние десятилетия наиболее употребительным стал термин «профессионалы» (У. Гуд, Р. Холл, М. Ларсен, Э. О. Райт, Д. Голдторп), который потеснил ранее господствовавшую категорию «интеллектуалы» (А. Грамши, М. Фуко и др.). Профессионалами называют социальный слой, аналогичный российской интеллигенции. Слово «интеллигенция» там тоже используется (К. Мангейм, А. Гоулднер), но гораздо реже, чем в России. Нельзя не обратить внимание на то, что лексические тонкости в известной степени отражают ментальные особенности конкретных социумов. Интеллигенция – социальный слой, интегрирующий своих членов. Профессионалы – термин, оттеняющий значимость индивидуальной компоненты такого же слоя на Западе. Чтобы объяснить, что интеллектуалы или профессионалы образуют социальный слой, требуются специальные средства. Например, М. Фуко писал: «многоликое сообщество интеллектуалов»⁸. Сейчас пишут – «социальная группа профессионалов».

Все это подчеркивает, что тождество рассматриваемых понятий весьма относительно и их смена (замена) – дело достаточно деликатное. Это важно иметь в виду, так как предпринимаются попытки традиционное для России понятие «интеллигенция» заменить, ничтоже сумняшеся, термином «профессионалы». Так, О. И. Шкаратан и С. А. Иняевский пишут: «Авторы (имеется в виду коллектив авторов под руководством В. А. Мансурова. – В. Б.) убедительно показали, что при исследовании профессиональных групп целесообразно отказаться от доминирующего в отечественной литературе употребления категории “интеллигенция” – категории многозначной, означающей неопределенность системных границ и тянущей за собой идеологически нагруженные наслоения, и замены ее на принятый в мировом общественном знании однозначный термин “профессионал”, “социальная группа профессионалов”»⁹.

На деле В. А. Мансуров доказывает нечто едва ли не противоположное. В резюме к одному из своих докладов он отмечает: «Обогащение российской социологии возможно посредством адап-

---

⁸ Фуко, М. Интеллектуал в законе // Независимая газета. – 2002. – 3 октября.

⁹ Шкаратан, О. И., Иняевский, С. А. Социально-экономическое положение профессионалов и менеджеров // Социологические исследования. – 2006. – № 10. – С. 19.

тации теоретических конструкторов западной социологии профессий к отечественным реалиям. Привнесение в современное российское общество “логики рынка” делает закономерным сопоставление опыта исследований “интеллигенции” в СССР и России с изучением профессионалов в англо-американской социологии. Объектом исследования в каждом из этих научных направлений служат работники высококвалифицированного умственного труда, имеющие дипломы о высшем образовании. Включение категориального аппарата социологии профессий позволит существенно расширить эвристические возможности исследований групп интеллигенции, а также будет способствовать проведению кросскультурных эмпирических исследований. На основе совмещенной методологии, а именно нашего подхода к исследованиям интеллигенции и западной социологии профессиональных групп мы провели ряд исследований профессиональных групп российской интеллигенции, их трансформации в новых социальных условиях»¹⁰.

Замена интеллигенции социальной группой профессионалов стимулируется двумя основными причинами. Во-первых, это рецепционный подход к социальной структуре российского общества. У нас все должно быть как на Западе – средний класс, включающий в себя профессионалов, а не какую-то интеллигенцию. Более того, оказывается, и в советское время существовал средний класс, но не интеллигенция: от дурных привычек надо отвыкать... Во-вторых, немаловажное значение имеют и идеологические соображения. Профессионалы – имя политически нейтральное, ошибочно полагают многие российские обществоведы, близкие по духу к так называемому политическому классу. (Это не интеллигенция, запятнанная в прошлом участием в революционных событиях, единством с трудящимися классами и т. п.) То есть очищение понятийного аппарата от идеологического «налета» осуществляется по вполне идеологическим соображениям.

О. И. Шкаратан и С. А. Иняевский сопоставляют менеджеров и профессионалов. Те и другие – наемные работники, отличающие-

---

¹⁰ Мансуров, В. А. Социология профессиональных групп: методология и опыт исследований // Социально-стратификационная дифференциация российского общества: материалы междунар. науч. конф. (25–26 мая 2006 г.): в 2 т. – М. – Улан-Удэ, 2006. – Т. I. – С. 28–29.

ся от предпринимателей¹¹ и рабочих. Но они различаются и между собой. Чем же? Главным образом, содержанием и характером труда. Менеджеры заняты организаторской деятельностью в управлении, для чего собственники наделяют их определенными полномочиями. Отмечается также, с ссылками на Д. Голдторпа, что между менеджерами и собственниками существуют особые отношения: «первые служат интересам последних и вознаграждаются привилегированной по сравнению с другими работниками позицией». Многие менеджеры совмещают функции управления и владения предприятиями. Что же касается профессионалов, то по отношению к ним никакие социально-экономические поблажки не допускаются. Соавторы пишут: «С учетом реальной социальной ситуации в современной России, к профессионалам нами отнесены те экономически активные члены общества, которые занимают рабочие места преимущественно исполнительского умственного труда, требующего для своего осуществления образования не ниже высшего, и имеют соответствующие квалификационные дипломы»¹².

Полагаю, что основное социальное различие между менеджерами и профессионалами Шкаратан и Иняевский не раскрывают. Чтобы убедиться в этом, обратимся к одному из тех положений, которые несут настолько большую теоретическую нагрузку, что отечественные социологи чаще всего их старательно обходят. Это слова о членах пролетариата, то есть всех тех, «кто являются лицами наемного труда или наемными рабочими, не обладающими, не управляющими (подчеркнуто мной. – В. Б.) *средствами производства*»¹³. Британские социологи считают, что те, кто управляют средствами производства, участвуют в эксплуатации трудящихся, одновременно в известной степени сами ей подвергаясь. Профессионалы с пресловутым исполнительским трудом относятся к трудящимся, менеджеры, в той или иной степени, – к участникам эксплуатации. Российские социологи, возвестившие обществу о классе наемных работников, как правило, данной границы не видят.

---

¹¹ Судя по тексту, предприниматели для соавторов – синоним капиталистов. Но эти понятия совпадают лишь частично. Не все капиталисты суть предприниматели, не все предприниматели суть капиталисты.

¹² Шкаратан, О. И., Иняевский, С. А. Указ. соч. – С. 17–18.

¹³ Большой толковый социологический словарь: в 2 т. / пер. с англ. – М., 1999. – Т. 2. – С. 118.

Мотивы этого явления могут быть различными, но их объективно идеологический характер несомненен.

Возвращаясь к высказанной выше мысли о возможности вычленить такие *общие качества интеллигенции*, которые должны быть присущи ей и могут быть полезны для нее с точки зрения как трудовой, так и оппозиционной деятельности, я хотел бы остановиться на трех взаимосвязанных задачах.

Прежде всего это необходимость обратить особое внимание на *повышение профессионализма* российской интеллигенции. Дело не в том, чтобы переименовать ее в социальную группу профессионалов, а в том, чтобы поднять уровень ее культуры и подготовленности к практической деятельности. Несомненно, что в этом плане сейчас немало делается. Однако многие новшества вызывают сомнения и требуют оперативного контроля. Например, внедряемая ступенчатая структура высшего образования наряду с позитивными следствиями может привести и к негативным результатам¹⁴. Достаточно ли перестройка высшей школы учитывает советские и российские традиции? Эта перестройка осуществляется в интересах бизнеса, но всегда ли последние соответствуют потребностям развития нашего материального и духовного производства? И до приобщения российской высшей школы к Болонскому процессу имели место значительные диспропорции между ее функционированием и нуждами народного хозяйства. Не усугубятся ли эти диспропорции, а также противоречия между интересами России, с одной стороны, и интересами, порождаемыми глобализацией и эгоистическими побуждениями («утечка мозгов» и т. п.), с другой стороны, между потребностями развития продвинутых и отстающих регионов и отраслей?

Далее, российской интеллигенции присущ дефицит *интеллигентности*, что породило тему «образованщины» и «образованцев». Интеллигентность – совокупность субъективных свойств интеллигенции, определяющая уровень ее развития. Вуз должен формировать интеллигентного специалиста. В очень многих вузах эта задача не решается и даже не ставится. Это наносит огромный ущерб как обществу, так и интеллигенции.

---

¹⁴ Обоснованные опасения на этот счет высказаны М. Н. Руткевичем (см.: Руткевич, Н. М. Образованность в постсоветской России: противоречивость процесса // Социологические исследования. – 2007. – № 12. – С. 21).

Само понятие интеллигентности весьма сложно. Не вдаваясь в детали¹⁵, отмечу, что особенно острым является вопрос о центрировании интеллигентности. Господствует точка зрения, что ее становым хребтом является нравственность. Решительно с этим не согласен еще и потому, что нравственность не в меньшей степени (хотя в несколько иной форме) должна быть присуща и всем другим социальным группам, и потому, что такой взгляд берет интеллигенцию как нечто статичное, а между тем она сегодня отнюдь не такая, какой была в конце XIX или в середине XX вв. Важнейшей чертой интеллигентности, своеобразным ключом к системе ее характеристик ныне и является *профессионализм*, с которым тесно взаимосвязаны эрудиция и интеллектуальность, творчество и новаторство, патриотизм и чувство вкуса, и т. д. и т. п.

Профессионализм органично включает в себя профессиональную этику. К интеллигентским профессиям предъявляются особые нравственные требования, уровень соответствия которым в настоящее время у значительной части интеллигенции, к сожалению, резко снизился. Чтобы успешнее противостоять этой тенденции, нравственные требования к интеллигенции надо связывать с правовыми требованиями. Отсюда велико значение поведенческих кодексов профессиональных сообществ. Конечно, их роль различна, к тому же не у всех профессиональных групп интеллигенции такие кодексы имеются. Но в принципе они необходимы, причем важно иметь в виду, что установления такого рода не только способствуют повышению эффективности профессиональной деятельности, но и являются мерилом нравственности интеллигентов.

Верно, что профессиональная этика несводима к функции повышения эффективности специализированной деятельности, что ей присуща и социальная миссия. Различая эти аспекты, их нельзя противопоставлять. Одной из форм их интеграции является *призвание* интеллигента. Вызывает сомнения следующее положение: «В век “массовизации” профессиональной деятельности призвание перестает быть безусловной доминантой этического сознания профессионала, уступая место прозаическому функционализму. Это связано и с тем, что в эпоху широкой образованности открываются

---

¹⁵ См.: Беленький, В. Х. Проблемы современной российской интеллигенции. Опыт социологического анализа. – Красноярск, 2005. – Гл. 6.

возможности сравнительно легкого перехода от одного вида профессиональной деятельности к другому (призвание вряд ли имеет множественное число). Не столько уменьшается число людей, воспринимающих свою жизнь как служение, сколько их доля в общем массиве профессионалов становится менее заметной, в меньшей степени оказывается объектом морального выбора: призвание не поддается тиражированию»¹⁶. Однако действуют и противоположные тенденции. Ослабели, но не исчезли нравственные традиции русской и советской интеллигенции. Призвание имеет силу примера. Интеллигенты, которые видят в работе смысл своей жизни, пользуются авторитетом и уважением. Разумеется, воздействие фактора призвания требует усилий, и здесь огромную роль играют деловая организация и общественная самоорганизация интеллигенции, которые способны во многом определять ее позиции как в трудовой, так и в оппозиционной деятельности.

Подход В. И. Бакштановского и Ю. В. Согомонова к призванию – пример того, к чему ведет необоснованная замена понятия *интеллигенция* на понятие *профессионалы*. К деструктивным следствиям ведет и неадекватное отношение к ряду других проблем. В результате как бы исчезают важные общественные задачи, ослабевает внимание к существенным вопросам, искажается их решение. Вот письмо, опубликованное в одной из центральных газет. Читатель писал: «Мало кому в современной России удастся держать должную высоту моральной планки, когда вокруг толкуют только о деньгах. Понятно, что интеллигентность – устаревшее понятие сегодня...» Хорошая иллюстрация к тому, что происходит, когда в центр интеллигентности ставится нравственность! Исчезновение интеллигентности облечено в письмо в поэтическую форму: невесомая, словно тень. А между тем читатель описывает лишь угасание старого представления об интеллигентности. Разумеется, ее нельзя мерить на фунты. Но сегодня это нечто гораздо более весомое и мускулистое, чем некогда.

Некоторые аспекты интеллигентности, ее эволюция и отдельные черты явно недостаточно исследованы. Однако важно иметь в виду, что компоненты интеллигентности тесно переплетены и

---

¹⁶ Бакштановский, В. И., Согомонов, Ю. В. Профессиональная этика: социологические ракурсы // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 3.

взаимосвязаны, из чего неизбежно вытекает большое многообразие их версий, комбинаций у разных групп интеллигенции и особенно у отдельных интеллигентов. Иначе говоря, интеллигентность – явление, обнаруживающее себя в громадном разнообразии индивидуальных форм. Всякие попытки жестко «шнуровать» интеллигентность, *чрезмерно* ее регламентировать, подчинять общим принципам, отрицать право интеллигента на критическое и до некоторой степени скептическое восприятие действительности могут легко выливаться в насилие над личностью, в неуважение к ней. Однако интеллигентности чуждо и анархическое прочтение свободы и организованности, абсолютизация релятивистского отношения к ценностям и идеалам.

Наконец, принципиальное значение для обеспечения обоих вариантов поведения интеллигенции имеет усиление ее гражданской активности. Но что такое гражданская активность? Одна из модификаций социальной активности. Понятие «гражданская активность» имеет два значения: охватывает или совокупность актуальных в данный момент аспектов социальной активности, или политическую и правовую самодеятельность людей. Вопрос о гражданской активности интеллигенции не только не изучен российскими социологами, – он ими предельно запутан. Прежде всего это связано с субъективистским толкованием слоя носителей умственного труда высокой квалификации, выполняющего наиболее сложные общественные функции. Поэтому формы, в которые облачена его жизнедеятельность – интеллигенция, интеллектуалы, профессионалы, – различают главным образом по произвольно толкуемым субъективным признакам, выдаваемым за критерии существования интеллигенции. В итоге оказывается проще простого ее перечеркнуть, отказать ей в праве на социальное существование или отнести как социальную группу профессионалов к несуществующему среднему классу. Что же касается последнего, то его в России в значительной степени затем искусственно и конструируют, чтобы погасить рост оппозиционности интеллигенции, утопить ее оппозиционность в болоте гражданской суетливости. Посмотрим, как рисуют гражданское лицо среднего класса социологи, усилия которых сыграли особую роль в утверждении мнения, что этот класс возник и очень полезен для нашего общества. По словам члена-

корреспондента РАН М. К. Горшкова и профессора Н. Е. Тихоновой, среднему классу присущи отказ от солидарности, скрепляющей гражданское общество, безразличие к политике, политическая апатия, поддержка власти в обмен на возможность заниматься своими делами и т. д.¹⁷ Не случайно говорят: «Интеллигенция vs средний класс». Впрочем, точнее было бы сказать: «Средний класс vs интеллигенция».

Многие острые проблемы российской интеллигенции, которые лежат в основе ее оппозиционности, в результате ее включения в средний класс, где она перемешивается с другими слоями населения, затеваются, сдвигаются в сторону, забалтываются в СМИ, облачаются в иллюзорные формы. Однако никакие ухищрения не могут перечеркнуть противоречия, обусловленные реальными сложностями и трудностями.

Таким образом, в современных условиях российская интеллигенция неизбежно сочетает лояльные и оппозиционные аспекты в своей деятельности. При всей противоположности этих аспектов они в известной степени совпадают, что имеет положительное значение и для интеллигенции, и для общества, которое может и должно способствовать усилению данной тенденции. Своя доля участия в решении этой задачи есть и у социологии.

---

¹⁷ Добрынина, Е. Им не хочется стать «средненькими» // Российская газета. – 2007. – 24 января.